

ТРЕВОЖНОЕ БУДУЩЕЕ РФ Страна, сталкиваясь с угрозой развала, нуждается в консолидации всех здоровых сил

В конце августа в Институте динамического консерватизма (ИДК) прошел круглый стол «Будущее Российской Федерации в условиях мирового кризиса: прогнозы и сценарии».

Обмен мнениями получился откровенным и нетривиальным. Дискуссия шла вокруг двух вопросов: во-первых, что мы наблюдаем сейчас – «дно» глобального кризиса или всего лишь затишье перед новым ударом бури? Во-вторых, что может произойти в Российской Федерации в ближайшее будущее?

Увы, пока события идут по сценарию «Горбачев-2»...

Как заявил директор ИДК Виталий Аверьянов, практически все приглашенные эксперты не чужды прогностике.

– Для нас важно, что в такой непростой исторической ситуации, в которой находятся и весь мир, и наша страна, мы можем сложить наши интеллектуальные усилия и попробовать нарисовать объемную картину будущего. Многие из либеральных экономистов любят приводить цитату (правда, не ссылаясь на ее автора): «Научный прогноз отличается от гадания на кофейной гуще тем, что последнее иногда сбывается». Это сказал основоположник советского экономического прогнозирования академик Александр Анчишкин.

Это так – если «продавливается» лишь один вариант будущего. Но совершенно не так, если рассматриваются некоторые «поля возможностей». Мы получаем некую сетку, куда улавливаем реальность и откуда она не сможет выскользнуть. Тогда мы обретаем возможность воздействовать на будущее.

Прогнозирование, я считаю, далеко от кликушества, хотя оно связано с архетипами пророчества. Люди, которые уважают религиозные традиции, знают, что пророки – это не те, кто просто знал будущее, угадывал что-то или им что-то ниспосылалось. Нет, то были люди, которые очень интенсивно и долго думали в одном направлении – и им приходило озарение. То есть пророки близки к прогнозистам в научном смысле слова, это близкие парадигмы.

Итак, тема у нас двусоставная. С одной стороны – нас интересует ход самого кризиса. Как он будет развиваться? А с другой стороны – каковы последствия кризиса? Думаю, что последствия – тема более широкая, не только экономическая, но и политическая, и социальная, и культурная. Поэтому вы все свободны говорить так, как считаете нужным, и затрагивать те аспекты, которые считаете важными.

Если разговор зайдет об экономике, то хотелось бы, чтобы вы акцентировали внимание на определенном ряде вопросов. Например, имеет ли смысл в ходе самого кризиса инвестировать в инновации, можно ли открывать новые производства и нужно ли для государства внедрять новые технологии? Или же, как считают некоторые, надо подождать, пока кризис стихнет, и тогда уже заниматься этими вещами, строительством нового?

А для тех, кто будет говорить о политике, просьба ответить на следующий вопрос: какие институты нашего общества, государства могли бы стать ведущими в плане построения модели выхода из кризиса и дальнейшего развития? Государство – это только лишь власть? Или научно-экспертное сообщество в значительной степени? Или, может быть, церковь? Или политические партии? А может, это бизнес или какие-то институты, которые вообще еще не созданы, и их еще придется создать – для того, чтобы решить поставленную задачу?

Вот такой круг вопросов нам представляется важным. Каждый волен интерпретировать и комбинировать проблематику по-своему...

У НАС – ДВА КРИЗИСА

По мнению писателя и футуролога Максима Калашникова, нынешние словеса о «конце мирового кризиса» – всего лишь сеансы психотерапии, шаманские заклинания.

– То, что мы наблюдаем сегодня – не пресловутое «дно» падения, а только плато, «площадка» с небольшим подъемом, на краю коей – новый обрыв. Кризис не кончился, так как мы имеем дело не с экономическим кризисом, а кризисом перехода – от умирающего капитализма к чему-то новому. А это – очень больно и достаточно долго. Кризис наверняка продолжится.

На чем произойдет срыв в новый виток кризиса? Есть несколько возможных «точек», потенциальных «эпицентров» взрыва ситуации. Может быть, это дефолт штата Калифорния (с сопутствующей паникой на рынке штатных заимствований), может быть – неприятности с выплатами федерального долга Соединенных Штатов, может быть – отмена торговли нефтяными фьючерсами. А может – «лопание китайского чуда». Но это не суть важно. Очевидно, что главные причины кризиса остались, а именно: громады обязательств, «висящих» на экономике США (от 50 до 70 трлн долларов), неподъемный государственный долг Америки, непомерный объем «свеженапечатанных» долларов, которых нечем, по сути, «связать». И есть огромная проблема «плохих», «ядовитых» долгов в глобальной финансовой системе.

(Мнения о том, что экономика КНР потерпит катастрофический для всей мировой экономики крах, придерживается прогнозист Михаил Хазин. Причина, по его мнению, – в том, что КНР так и не смогла развить свой внутренний рынок на замену рынку США и Европы.)

Неизбежная новая волна глобокризиса ударит по Российской Федерации всей своей силой. РФ сегодня – самое слабое звено в системе мирового капитализма, это не Советский Союз – автаркичная крепость. Она слишком сильно зависит от сырьевой конъюнктуры мирового рынка, да и вообще от западной экономики. РФ сейчас – как корабль, что лишился хода и стал бортом к волне. Острый кризис в РФ неизбежен в связи с новым витком мирового кризиса.

Но что такое – кризис в РФ? Сейчас распространена глупая легенда о том, что все в Российской Федерации до осени 2008 года было хорошо, экономика бурно росла, но... Мирный труд советских (российских) людей прервался вероломным нападением кризиса с Запада. То бишь коварные бусурманские капиталисты спровоцировали этот кризис, а мы, дескать, ни в чем не виноваты. На самом деле в РФ развиваются два кризиса. Один – это действительно последствия глобального смуткризиса, как назвал его известный историк Андрей Ильич Фурсов, а второй – чисто домашний. Кризис Российской Федерации как системы. Глобальный кризис подтолкнул кризис внутривосточный. Кризис РФ грянул бы в любом случае в 2010-е годы, даже если бы на Западе все оставалось спокойным и безмятежным.

Российский кризис представляет собой целый букет кризисов. Можно назвать несколько важнейших составляющих. Прежде всего, это кризис физического износа техносферы. Кризис огромного недоинвестирования капиталов в нее. Россия-91 подошла к эпохе глобального смуткризиса невероятно изношенной. Вал техногенных инцидентов, аварий и катастроф обеспечен. Средний возраст оборудования в РФ – 21,5 года (в СССР 1990 года – 9,8 года). В современном развитом мире этот показатель составляет 10 лет, а доля инвестиций в основные фонды в нем – 25–30% ВВП, в то время как в РФ – всего 18%. Мы – проворованная и до смерти заезженная страна.

Мы рискуем увидеть инфраструктурный упадок РФ, и даже новый подъем мировых цен на нефть, коли и случится, нас уже не выручит. (Топливо-энергетический комплекс также заезжен и нуждается в массивных инвестициях.) На фоне бурного строительства новой инфраструктуры в Бразилии, Индии и Китае Российская Федерация выглядит весьма бледно. Протяженность железных дорог сокращается, шоссе строительство стагнирует, а нового жилья в 2008 году построили едва 70% от того, что строили в советской РСФСР 1989 года.

За упадком техносферы следует кризис управленческий. В РФ построено совершенно недееспособное, коррупционное государство. В нем километр четырехрядной автострады стоит четверо больше, чем в Китае. Даже если учесть все неблагоприятные природно-климатические факторы (по Андрею Паршеву), все равно разрыв – недопустимый. Разгадка? Воруют. А если государство недееспособно и коррупционно, то никакого развития, никакой промышленной и структурной политики оно вести не сможет. Надо ли объяснять, насколько это губительно для нас в условиях кризиса?

С коррупцией российского истеблишмента связан и кризис инноваций, кризис невозможности развития по инновационному пути. А ведь только в нем – наша надежда на национальное выживание. Только применение революционных (подрывных или закрывающих) инноваций позволит нам заново построить Россию с новой техносферой – эффективной, сберегающей ресурсы и средства. Техносферой, которую строить намного дешевле. (Хотя инновации нам понадобятся не только в технике и экономике!)

Однако инновации наталкиваются и на ожесточенное сопротивление коррумпированного истеблишмента, и на отсутствие спроса на них в примитивной сырьевой экономике. Таким образом, инновационный кризис – тоже «роза» из «букета».

Дальше нам грозят демографические и кадровые проблемы. В 2010-е годы РФ будет катастрофически не хватать ни рабочих рук в целом, ни квалифицированных специалистов, рабочих и инженеров, в частности. Тех, кто мог бы уметь обращаться с техносферой уровня хотя бы 1980-х годов. Не нужно никому рассказывать о «качестве» выпускников нынешних вузов РФ.

Следующий кризис – энергетический. Нам говорили, что проект газопровода Nabucco (газ в Европу из Средней Азии и Ирана в обход РФ и Украины) нерентабелен, что нет газа для его наполнения, что он никогда не воплотится – а Запад его намерен построить. Но это же означает следующее: в газовом балансе РФ будет пробита брешь как минимум в 30 млрд кубометров природного газа. Если же еще и Китай сможет перебросить «нитки» в Туркмению и станет брать ее газ, то брешь выйдет вдвое больше. Ибо РФ давно не обеспечивает себя «голубым топливом», восполняя дефицит газом из Туркмении и Узбекистана. Легко себе представить, как это подкосит россий-

скую экономику. Добавьте к этому противоречие между электроэнергетикой и «Газпромом»: первая стремится нарастить потребление природного газа, второй – хочет его ограничить.

Все это говорит об одном: РФ вступает в некие «новые 1980-е». Помните: четверть века назад (после эпохи застоя, отождествляемой с Брежневым) реальность предъявила счета к оплате. Всё – вы влетели в кризис: либо решайте проблемы, либо вам – конец. 2000–2009 годы стали карикатурным подобием брежневского периода. (Все-таки при Брежневе страна развивалась, там не все проедалось, а разрывывалось в сотни раз меньше, чем теперь). 2010-й и последующие годы станут именно таким «предъявлением счетов».

Российскую Федерацию ждет жестокий социально-экономический, а затем и политический кризис. Он вполне сравним с тем, который трепал СССР при Горбачеве, а в чем-то – даже тяжелее окажется. Еще в апреле 2005 года тогдашний заместитель главы Администрации Президента РФ Дмитрий Медведев выступил со статьей об угрозе развала РФ, заявив о том, что распад ее окажется намного кровавей и катастрофичнее, нежели дезинтеграция СССР. И вот обозначенная тогда проблема встала перед нами во весь рост.

Вместе с тем многие явления в жизни теперешней РФ до боли напоминают горбачевщину.

Поэтому главнейшая задача для всех в РФ – предотвращение ее катастрофического распада. Кто это должен делать? «Все, способные носить оружие». Какие-то части государственного аппарата, какие-то силы в церкви – да, нельзя никого отталкивать. Но еще важнее сегодня инициировать процесс некоего объединения снизу, на соборно-ополченческих началах (вариант русского гражданского общества). Грубо говоря, нужно приготовиться к моменту, когда здоровым силам придется помогать вменяемым людям во власти, ибо на разложившийся государственный аппарат надежды практически нет.

Необходима и полная смена социально-экономического курса. Ведь уже очевидно, что неолиберальный эксперимент, начатый в РФ в 1992 году и продолжающийся поныне, полностью провалился. В экономике, судя по всему, придется применять эмиссионный (но при этом неинфляционный) механизм финансирования, делая при этом, как предлагает Юрий Крупнов, пятилетки развития. Смысл: «отвязаться» от гибнущего ядра капитализма, начать самостоятельное «плавание». Придется вводить настоящую Диктатуру

развития. Фактически придется не только пере- собирать страну, но и строить совершенно новую социально-экономическую политику.

Задача – сверхсложная. Сложнее, чем решал Сталин в 1930-е. Но без ее решения жить РФ осталось недолго...

ДРУГОЙ ФУНКЦИОНАЛ

Как считает директор Института проблем глобализации (ИПРОГ), доктор экономических наук Михаил Делягин, привычный нам мировой порядок уже в близком будущем подвергнется огромным изменениям, причем крайне жестким и хаотичным.

– Несомненно, перед мировыми центрами силы будут стоять тяжелые задачи, которые отвлекут их внимание. Соответственно, у России, как участника глобальной конкуренции, появятся некоторые возможности, увеличится пространство для маневра – в сравнении и с нынешним временем, и тем более с 1990-ми годами.

Но, с другой стороны, внутренняя логика развития России гарантирует нам тяжелые перспективы. В условиях экономической депрессии единственный способ даже не развития, а простого выживания – замена сжимающегося коммерческого спроса государственным спросом. Но, когда вы увеличиваете последний, нужно контролировать деньги государства. К сожалению, в нынешней РФ это невозможно, так как контроль за государственными деньгами объективно подрывает возможности коррупции. То есть, с моей точки зрения, подрывает благосостояние правящего класса и сами основы государственного строя, воссозданного в 2000-е годы. Потому контроля не будет, а выделяемые государством деньги начнут поступать на валютный рынок и размывать международные резервы РФ. Так, как происходило осенью 2008-го. Этой осенью и зимой ситуация повторится, хотя и в меньших масштабах.

Дальше все зависит от цен на нефть и от интенсивности дружбы между нашими бюрократическими кланами. При неблагоприятном развитии событий все кончится уже в конце 2010 года. При благоприятном – цикл повернется еще один раз.

Цикл довольно примитивен: государство дает деньги для поддержки экономики, вместо этого они идут на валютный рынок, международные резервы РФ сокращаются, возникает паника. Ускоряется инфляция, государство психует, ослабляет рубль и больше не дает денег. Те средства, что

были даны раньше, как-то доходят до реального сектора – и возникает та шаткая «стабилизация», которая напоминает теперешнюю. Лимитирующий фактор здесь один: международные резервы страны.

В ходе прошлой волны кризиса мы потеряли четверть триллиона долларов (считая 43 млрд долларов, неправомочно, вопреки одобренной методике, включенных в международные резервы по состоянию на начало февраля). Примерно 20-30 млрд потом отыграли. Дальше цикл может повториться. И, когда международные резервы РФ окажутся полностью украденными (или растраниженными – если вы хотите продемонстрировать идеологическую девственность), произойдет обвальная девальвация рубля и обрушение нашего общества в системный кризис.

Не склонен верить в самодеятельность масс, особенно учитывая состояние, в котором они находятся. В системном кризисе власть, скорее всего, захватят представители третьего эшелона и бизнеса, и государства. Вопрос заключается в том, будут ли они напуганы этим системным кризисом достаточно, чтобы стать ответственными. Поколение Брежнева было «контужено» 22 июня 1941 года, и вся их жизнь посвящалась воплощению принципа «лишь бы не было войны». Системный кризис должен так же «контузить» новых правителей РФ, чтобы они всю оставшуюся жизнь боялись пренебрегать интересами общества. Но даже если они окажутся ответственными, хватит ли им компетентности? Это – тоже открытый вопрос, поскольку варваризация нашего общества идет стремительно, и отнюдь не только по линии системы образования.

Если же они будут достаточно ответственными и компетентными, то им не понадобится никаких выдающихся интеллектуальных способностей, ибо новой власти придется решать задачи простые и даже примитивные. Причем методами столь же простыми. Тогда они смогут проводить рациональную социально-экономическую политику, а в условиях дезорганизации мирового порядка – смогут построить нормальное общество и нормально его развивать. И со временем, с ростом благосостояния, вырастет нечто похожее на демократию, как в Южной Корее. Естественно, на наш манер.

Если этого не произойдет, то никакой России через 10 лет не станет. Но потерей территории, как в прошлые разы, дело не ограничится – исчезнут наша российская цивилизация, наша российская

культура как таковые. Произойдет то же, что с древними римлянами, когда их прямые потомки бродили в непонятном виде среди гигантских руин величественных сооружений и поперек дорог, еще недавно стягивавших воедино весь известный мир, – и даже не могли себе представить, для чего все это было нужно.

Правда, есть существенное отличие: если развалины Римской империи лежали среди некоей пустоты, то у нас есть сильные соседи-конкуренты, которые быстренько заберут у нас все полезное. Начиная от пресной воды и кончая нефтью. Не вижу смысла рассуждать о дальних перспективах, поскольку перспективы – только ближние. Максимум это – четыре года, и то при самых благоприятных обстоятельствах. При неблагоприятных – год-два, не более.

Перспективы сильно зависят от российского общества (или от того, что мы называем этим термином), где события развиваются в значительной степени стихийно и в режиме «инициативы со всех сторон». Вероятно, судьба России будет решаться, как обычно в смуту, в хаотичном и длительном столкновении очень слабых, сменяющих друг друга нечетко очерченных групп. В преддверии этого необходимо объединиться, чтобы иметь общий проект, общее понимание ситуации, – разумной группе важно стать как можно более сконцентрированной и эффективной.

Но Российское государство, простите за выражение... Вот мы все время говорим, что наше государство неэффективно. Дорогие вы мои! Российское государство – самый эффективный управленческий организм, мне известный. Просто не нужно путать его функцию и преследуемую им цель с лапшой, которую оно попутно вешает на наивные уши. Нынешнее государство, насколько можно судить, – это инструмент по переводу биомассы, официально именуемой «российское население», в личные богатства чиновников, хранящиеся в фешенебельных странах. Когда мы говорим, что это устройство неэффективно, то ведем себя как овцы, которые между собой обсуждают «ужасную неэффективность» скотобойни. Хотя любой, кто кушает котлетки, прекрасно знает, что бойня вполне эффективна.

Нынешнее государство работает хорошо: просто у него другой функционал.

Когда человек говорит о его неэффективности, это звучит примерно так же нелепо, как гипотетические разговоры евреев в 1942 году о неэффективности Освенцима.

Надеяться на это государство не имеет смысла. Дискуссии о том, хороший ли господин Медведев или нет, правильную вещь сказал товарищ Путин или не очень, – бесплодны. Просто потому, что если кто-то из них попытается ввести контроль за государственными деньгами, его завтра же не станет, и никто не вспомнит, как его звали. Есть правящий класс, достаточно толстый общественный слой, который не простит и не допустит такой измены своим интересам.

Поэтому вопрос стоит так: а насколько хватит нынешнего государства? Точнее, не его – а международных резервов РФ. И ответ прост: ненадолго, так что нам надо готовиться изо всех сил. Времени, чтобы терять его, больше нет.

ВЕЛИКАЯ НЕСАМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

По словам председателя правления ИДК, известного экономиста Андрея Кобякова, нужно отдавать себе полный отчет в том, что все пре-реформенные годы РФ существовала с сильно деградировавшей структурой экономики. Она попала в чрезмерную зависимость от мировой конъюнктуры. Именно поэтому, когда мы рассуждаем о чисто экономических возможностях России в ближайшем будущем, то просто не можем миновать вопроса о том, что же происходит с мировой экономикой в целом...

– При имеющейся структуре производственных мощностей российская экономика вряд ли получит собственное оживление, – говорит Андрей Кобяков, имея в виду сырьевой характер РФ. – Самоподдерживающийся экономический рост пока в России невозможен. Для этого нет целого ряда как важнейших институтов (в лице, скажем, суверенной финансово-банковской системы), так и важнейших решений, способных изменить технологический характер этой экономики путем повышения доли наукоемких отраслей, и т.д. В любом случае это – вопрос далекой перспективы. Если такие вещи все же начнут осуществляться.

В ближайшее же время наше состояние останется производным от состояния мировой экономики. Поэтому хотелось бы разобраться: а что происходит с последней?

На днях мы беседовали с моим другом и соавтором Михаилом Хазиним. Я спросил его: «Как ты смотришь на набор недавних заявлений из Евросоюза, Японии, США и РФ о том, что ими достигнуто не просто плато, а даже рост?» Говорят: мол, на одну десятую процента снизилась безработица в Соединенных Штатах – с 9,5% до 9,4%. Но при

этом, что примечательно, и число рабочих мест сократилось тоже. Вот такие вот выкрутасы со статистикой наблюдаются. Очевидно, что просто перестали учитывать тех, кто прекратил поиски работы. Хазин ответил: «Мне кажется, что это – некая согласованная пиар-кампания». Попытка, как выразился Максим Калашников, применить шаманство, заклинания против кризиса.

Может, кто-то наивный действительно поверил, что кризис заканчивается. А нам важно понять саму природу кризиса. По моему мнению, мы имеем дело с «наложением» кризисов разного рода друг на друга. Это не один кризис, а сразу несколько. Не просто рецессия в рамках короткого цикла, условно говоря, пятилетнего. Вернее, в рамках трех-десятилетнего цикла. Если брать вторую половину XX – начало XXI веков, то такова протяженность короткого цикла. Значит, перед нами – и этот кризис в том числе. В этом смысле действительно можно предположить – выход из рецессии нащупан. Но если принять в расчет, что мы находимся и в рамках волны Кузнецца, и в рамках волны Кондратьева (обе – в понижающейся фазе), то очевидно: любые возникающие подъемы (в рамках долгой понижающейся фазы), будут иметь короткий и очень невнятный характер. А потом наступает новый спад.

По моим априорным представлениям, высказанным год назад, к 2010-му, а то и к 2011 году наступит некоторое затишье. Затем пойдет очередная, уже серьезная волна кризиса, и она станет окончательной для изменения мира в том виде, в котором мы его сейчас знаем. Здесь будут и побежденные, и победители. Имеет смысл рассматривать многие вещи именно сквозь эту призму...

То, что происходит нынче, Андрей Кобяков считает пока еще «косметической зачисткой». Но долго ли удастся сохранять сложившуюся парадигму глобального финансового капитализма, отвязанного от каких-либо реальных стоимостей и т.д.? И что, собственно, придет ей на смену? Ведь существует (о чем бояться говорить) и латентный валютный кризис. Протекает он в странной манере. Мы увидели девальвацию рубля и целого ряда валют по отношению к доллару (в конце 2008 г.), но при этом все понимают, что главной жертвой валютного кризиса должен стать именно... доллар.

– Мы имеем дело с несколькими кризисами разного рода, – считает Андрей Кобяков. – Это и структурный кризис, и кризис парадигмальный,

и кризис прежней технологической модели развития. Пропустив Пятый технологический уклад, Россия при отсутствии какой-либо внятной экономической политики получила «просадку» и вышла в другую когорту стран в мировой иерархии. Если мы упустим возможность модернизации на следующей, повышающейся фазе Кондратьевского цикла (по моим расчетам, она должна наступить в районе 2015 года), то РФ однозначно проваливается в некий «четвертый мир». А там – никаких перспектив не то что для развития, но и для существования той численности населения, которое могла бы прокормить наша экономика. Тогда действительно все эти сценарии относительно того, что в России для обслуживания нефтегазового комплекса не нужно более тридцати миллионов человек, могут оказаться актуальными.

А.Кобяков согласен с Михаилом Делягиным в том, что нынешнее государство неэффективно, и уповать на него весьма сложно. Но он задает вопрос: а на что тогда мы можем уповать? Если обсуждать персональный состав правительства, – говорит Андрей Кобяков, – это один вопрос. Если говорить о России вообще и роли государства в ней, то очевидно: без государства многие вещи в принципе невозможны. Много без него мы не сдвинем с мертвой точки ни при каких обстоятельствах. Вопрос перевода нашей экономики в коридор инновационного развития – именно государственный. Ибо наш бизнес абсолютно невосприимчив к инновациям. Абсолютно! Не созданы никакие институты, которые могли бы этим заниматься. У нас идут одни разговоры о Банке развития, о каких-то конкурсных условиях предоставления этих кредитов... Этого просто нет даже в зачаточном виде. Ну, поговорили о технопарках и технополисах, приняли программу – и тут выясняется, что Минсвязи отказывается финансировать десять технополисов. В другом технополисе уходит генеральный инвестор. Ну что это, извините за выражение, за бардак такой в масштабах страны? При этом нет представления о том, как, собственно, должен работать технополис.

Сама их идея возникла в Японии. Но японцы перед этим ездили и изучали опыт как Кремниевой долины в США, так и академгородков в Советском Союзе. И только потом создали нечто свое. Но в РФ даже такой попытки понять (что нам нужно в структурном отношении, как этот механизм должен работать) не предприняли!

Считаю, что без серьезных организационных

и институциональных усилий государства нам в принципе «не светит» никакого будущего.

Относительно мирового кризиса мое мнение таково: да, сейчас мы нащупали некое плато, но после него будет новое падение – и гораздо более серьезное. В конце концов, о том, что кризис прекратился, во времена Великой депрессии говорили и в 1930 году, и в 1931-м, и позже. Каждый раз тогда якобы начинал восстанавливаться фондовый рынок, но затем снова рушился. Если брать даже чисто финансовые показатели, то нет никаких оснований считать, что кризис преодолен. До тех пор, пока не «сгорела» эта безумная масса ничем не обеспеченных денег, кризис будет усиливаться. Наоборот, мы видим, как все эти деривативы сейчас монетизируются.

Поэтому кризис продолжится, а бенефициаром (извлекателем выгоды) из него окажется Китай. Он уже удачно пробросил через Назарбаева (а потом – и через РФ) идею глобальной валюты в виде специальных прав заимствования. А на самом деле Китай начал программу создания валютных свопов с целым рядом государств, в том числе и заокеанских – Аргентина, Бразилия и т.д. (То есть КНР выстраивает новую систему бездолларовых расчетов не только со своим ближайшим окружением – прим. ред.) Китай превращается в полноценный международный платежно-расчетный центр, готовясь к перехвату мирового лидерства... Учитывая меняющуюся геополитическую конъюнктуру, мы кое в чем могли бы сыграть на опережение...

СЛЕПОТА В «ЗОНЕ КАТАСТРОФ»

Смысл выступления заместителя директора Института прикладной математики (ИПМ) РАН Георгия Малинецкого сводился к тому, что РФ ради обретения лучшей доли должна, если говорить образами из старого анекдота, хотя бы купить лотерейный билет. А не пассивно скользить по нисходящей траектории.

– Мы все еще находимся в так называемой точке бифуркации (откуда можно свалиться в пропасть, а можно – и взлет начать), но пробудем в ней не дольше пяти лет, – предупредил Георгий Малинецкий об опасности падения РФ в небытие. Он сообщил, что ИПМ сейчас принимает участие в проекте президиума Академии наук под общим руководством академика Виктора Садовниченко. Его цель – спрогнозировать мировую и российскую динамику, используя методы синергетики и нелинейной динамики.

Тема государства, по словам профессора Малинецкого, – крайне болезненна. По сути, государства у нас нет. Вернее, есть нечто, что называется «государством», но таковым не является. Например, сегодня крайне актуальна проблема техногенных катастроф в сильно изношенной РФ. В стране – 50 тысяч опасных объектов, из них около пяти тысяч – крайне опасные, катастрофы на которых чреваты огромными жертвами и разрушениями. Со времен конференции 1994 года в Иокогаме известно, насколько выгоднее спрогнозировать и предотвратить катастрофы и аварии (всех видов, а не только техногенные), чем потом ликвидировать их последствия. Нужен замкнутый цикл: мониторинг, затем – прогноз, затем – моделирование нужных мер, затем – анализ того, что произошло.

Владимир Путин 3 декабря 2001 года сформулировал это как одну из двух главных задач, стоящих перед научным сообществом страны. Но с тех пор, по мнению Георгия Малинецкого, никто системно и на необходимом для этого уровне темой предупреждения катастроф в РФ не занимался. Более того, все на словах – за, но работа не начинается.

А катастрофы становятся все чаще.

– В течение последних пятнадцати лет мы говорим: чтобы техносфера не рванула, нам нужно иметь постоянный мониторинг хотя бы на всех особо опасных объектах, – подчеркивает Георгий Малинецкий. – Всё без толку...

У нас – парадоксальная ситуация. Наши риски – как у сверхдержавы, а ресурсы на ликвидацию последствий катастроф – как у слаборазвитой страны. Более того, в РФ произошла приватизация информации. Для того чтобы анализировать кризис, нужно иметь полноту информации. Но по российским законам ни один министр не может потребовать у другого министра предоставления ему полной информации по интересующему его вопросу.

Во всем, что касается прогнозирования и предупреждения катастроф, мы находимся в отчаянном положении. Нам сейчас приходится делать то, что надо было сделать еще пятнадцать лет назад. То, что предлагал наш институт...

В пример профессор Малинецкий привел очень дешевую и весьма эффективную аппаратуру, созданную в МГТУ им. Н.Э. Баумана, которую можно ставить на каждую турбину каждой электростанции. Он как бы «снимет кардиограмму» оборудования, точно определяя его состояние. Здесь можно точно уловить опасный момент и отключить агрегат, предотвратив катастрофу. Та-

кая аппаратура должна стоять на всех турбинах в РФ. Но увы – никто не торопится этого делать. А инфраструктура в Российской Федерации – действительно в крайне плохом состоянии.

Наука и власть, по словам Малинецкого, в РФ стали жить в разных мирах. Каналы обратной связи просто разрушены. И это – в условиях нарастания угрозы разрушения изношенной инфраструктуры страны.

Профессор Малинецкий подтвердил худшие опасения многих экспертов, прогнозирующих полосу техногенных катастроф для Российской Федерации и считающих физический износ нашей техносферы одним из факторов острейшего российского кризиса. Не менее значим кризис трудовой этики, чувства ответственности, моральных норм, а также деградация системы управления. Билет в будущее для России потребует сверхусилий.

ГОТОВИТЬСЯ К МОМЕНТУ «Ч»

Нынешняя элита РФ вольно или невольно, осознанно или бессознательно ведет курс на тотальное уничтожение страны. В этом убежден видный аналитик Александр Нагорный:

– Михаил Делягин сказал о четырех годах, но я думаю, что «пробег» гораздо меньше. Почему? Четыре основополагающих момента. Во-первых, и это важнейший элемент – фактор Северного Кавказа, который все больше лавинообразно выходит на поверхность при полном параличе руководства. Во-вторых, разрывной силой обладает фактор «сохранения финансовой модели монетаризма», доминирующий в политическом дуумвирате нынешнего верховного руководства. В-третьих, существует и усиливается реальность «внешнего влияния» со стороны «западных партнеров» в условиях мирового кризиса. Наконец, в-четвертых, нарастает фактор управленческого паралича практически во всех элементах государственного механизма.

Что касается Кавказа и в целом сепаратизма, то здесь самым опасным являются расширяющиеся попытки провокационных внутренних сил и встроеной агентуры толкнуть РФ в ее нынешней форме на политические и конституционные реформы по типу горбачевских начинаний 1987 года. Нам твердят, что исходя из неких национальных интересов и «сохранения этноса» следует начать обсуждать и изменять нынешнюю структуру, в то время как вопрос стоит жестко и однозначно о смене нынешней либеральной модели и мобилизационном идеоло-

гическом рывке страны вперед. Если это не будет сделано, то деградация продолжится в нарастающем темпе и распад возможен во временных рамках от шести месяцев до полутора лет. Одновременно нам говорят, что Москва не контролирует Северный Кавказ или что надо дифференциально посмотреть на каждую республику. Стоит только начать – и дальше мы повторим кульбит 1989–1991 годов. Надо осознавать, что пока там стоят военные силы, мы контролируем его в военно-стратегическом отношении, хотя и Кремль не полностью управляет им. Даже в высшем руководстве РФ идут разговоры о том, что Кавказ нужно отделять. Такие же разговоры идут среди русских псевдонационалистов. Или вот пример некоторых православных, стремящихся восстановить монархию. Разве они думают о том, что если православный царь в Москве, то почему не в Казани – хан?

Нужно дать себе отчет в том, что мы находимся накануне крутого поворота русской истории, как в 1917 и в 1991 годах. В девяносто первом мыслящая часть общества проворонила момент, когда ее «кинули»...

По мнению Александра Нагорного, сейчас нужно подготовиться к моменту, когда власть будет падать. А падать она будет очень быстро.

– Наша задача – точно спрогнозировать этот момент и выработать платформу, действительно объединяющую те силы, которые могут в этот трагический момент консолидировать страну, – говорит Александр Нагорный. – Согласен с ведущими: нам необходимо понять, в каких сегментах эти силы могут взять власть и буквально сдернуть страну с края пропасти. Или – поймать ее в падении. Есть определенные силы в армии, в политическом истеблишменте, в ВПК, отдельные люди в МВД. И есть, наконец, Русская православная церковь...

Обрисовывая задачи мыслящей части общества, Александр Нагорный указал на создание альтернативных идейных платформ. Например, когда в Чехословакии шло расшатывание советского влияния, там появлялись то «платформа 88-ми», то «платформа 15-ти». В них оказались уложены те идеи, которые сработали в тот момент, когда история подошла к поворотному пункту. И нужно сосредоточиться не на сценариях мировой экономики, не на судьбе доллара или технологическом развитии страны, а на том, что делать России в момент «Ч», который приближается.

продолжение в следующем номере

ТРЕВОЖНОЕ БУДУЩЕЕ РФ

Страна, сталкиваясь с угрозой развала,

нуждается в консолидации всех здоровых сил

В конце августа в Институте динамического консерватизма (ИДК) прошел круглый стол «Будущее Российской Федерации в условиях мирового кризиса: прогнозы и сценарии».

Обмен мнениями получился откровенным и нетривиальным. Дискуссия шла вокруг двух вопросов: во-первых, что мы наблюдаем сейчас – «дно» глобального кризиса или всего лишь затишье перед новым ударом бури? Во-вторых, что может произойти в Российской Федерации в ближайшее будущее?

Увы, пока события идут по сценарию «Горбачев-2»...

Продолжение. Начало в концептуальном приложении к №456

ОРУЖИЕ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

Президент Института национальных стратегий Михаил Ремизов начал выступление со спорной и взрывоопасной темы Северного Кавказа (СК).

Призвав не впадать в истерию (и назвав «ампутацию» СК лишь одним из возможных сценариев), он призвал к обсуждению проблемы. А ведь есть и вариант с превращением Северного Кавказа в российский протекторат, причем серьезных, системных аргументов против него не выдвинуто.

– Да, мы в любом случае обречены на то, чтобы решать проблемы Северного Кавказа, – считает Михаил Ремизов. – Вне зависимости от того, является ли он частью нашей государственной территории или нет. Но если он остается частью РФ, то мы попадаем в ситуацию паралича строительства политической нации в России. Потому что мы в таком случае вынуждены считаться со спецификой северокавказской политической культуры – и отдавать кавказцам часть культурной, политической и иной гегемонии в России. И это – действительно проблема. Уверен, что можно ее решить, сохранив Северный Кавказ в России.

При этом не надо говорить о СК в целом. Нужно отдельно рассматривать Дагестан, Чечню и Ингушетию, черкесские регионы. Следует изучать все это дифференцированно и не кликушествовать...

Михаил Ремизов называет порочной практику мазохизма. Нельзя не замечать процесса создания «трансрегиональной Чечни» как крыши для диаспор и «авторитетных» сообществ.

Затем докладчик перешел к основной теме:

– Я согласен с Максимом Калашниковым в том, что иногда вопрос о вариативности сценариев отступает на второй план. Иногда человеческая свобода состоит в том, чтобы либо сделать необходимое – либо погибнуть. Мы исторически оказываемся именно в такой ситуации. Либо сделаем необходимое, либо погибнем как государство, как цивилизация, как нация. Хотя, вполне возможно, здесь не стоит быть чрезмерными алармистами. Быть может, наша агония получится долгой.

Если говорить о зависимости РФ от внешней конъюнктуры, то опять же прав первый докладчик, который говорит о необходимости разделения проблем кризиса глобального и кризиса российского. Думаю, что российский кризис будет протекать более мягко, если глобальный кризис не перейдет в некие спазмы разрушения глобального финансового капитализма – и станет более катастрофичным, если такие спазмы начнутся. Потому что в положении коренной ломки самые слабые – управленчески и экономически – системы, к которым относится РФ, наиболее уязвимы. Россия особенно уязвима, поскольку стоит на перекрестке самых разных интересов и контролирует ресурсы, на взгляд многих мировых

элит, не соответствующие уровню ее экономического, социально-демографического, исторического, культурного и иного влияния, ее статусу.

Когда мы ставим вопрос так категорично – «сделать необходимое или погибнуть», то следует спросить также: кому делать это «необходимое»? Мы можем долго рассуждать на тему того, что должна сделать абстрактная Россия или абстрактное государство, но эти разговоры полезны лишь в случае, если мыотрефлекслируем проблему общественного субъекта.

По большому счету, нужно обсуждать то, что делать нам – патриотической части интеллектуального класса страны. И здесь стоит предостеречь друг друга от снятия всякой претензии к существующему государству. Нахожусь под большим впечатлением от метафоры Михаила Делягина относительно овец, Освенцима и эффективности. Интеллектуально обаятельно, но по существу – является формой снятия всех претензий к существующему государству, формой индальгенции правящей бюрократии. Ибо лишая себя возможности предъявлять требования властям с точки зрения некоего нормативного функционала, который присущ государству как таковому, – мы оказываемся в слабой позиции.

А этот функционал, помимо утилизации советского наследия, объективно включает в себя и сохранение правопорядка, и социализацию населения, и поддержание инфраструктуры. Как бы ни был плох «правящий класс», все это объективно необходимо для того, чтобы ему было чем «править».

Тем более – чтобы править самостоятельно. Пока российский правящий класс в полной мерей не стал частью общемирового. Существуют большие разногласия по поводу статуса «россиян» внутри мирового истеблишмента. И эти разногласия, возможно, являются главной причиной той «патриотической повестки» путинского правления, которую мы наблюдали в минувшие годы.

Я согласен, не стоит питать иллюзий по поводу природы нынешней властной системы, но тем важнее сохранять в наших руках, пусть иллюзорную, но инструментально полезную идею нормативного содержания государства. И уже на этой основе предъявлять наши счеты к действующей системе (хотя бы по принципу «исполняйте свою Конституцию»). Поскольку это не снижает, а повышает уровень требовательности к ней.

У интеллигенции мало оружия. И одно из орудий в ее арсенале – это апелляция к общему благу, к нормативному содержанию публичных институтов. Не стоит выпускать его из рук...

Но это, по словам Михаила Ремизова, только пролог. Вопрос – что может сегодня делать патриотический интеллектуальный класс? У него есть работа даже тогда, когда государство не является функционально национальной силой. Во-первых, он может проектировать хотя бы на бумаге элементы нового общества. Новое общество вообще сначала проектируется именно в текстах. Ибо если посмотреть на историю модернизаций и формирования великих наций, то там – не только

великие стройки типа «железнодорожного проекта» Витте, но и проекты по созданию новой национальной историографии, высокой литературы. Ремизов отмечает, что последняя у нас есть – нужна лишь модель ее преподавания в школе. Здесь же – проекты по формированию новой армии и новой бюрократии. Все эти вещи могут родиться на бумаге, прежде чем они появятся в реальности. Михаил Ремизов предлагает создание нескольких проектных центров под эгидой союзников в государственном аппарате и в патриархии. Они в силах обеспечить такую полезную работу.

Во-вторых, полезно вести проектную и научную дискуссию, которая позволит «операционализировать» наши политические и общественно-политические цели.

– Если мы начинаем подробно говорить о том, как мы видим модернизацию или неоиндустриальную революцию, национальное строительство и другое, то сразу же видим: есть множество проблем, никак не связанных со злонамеренностью власти, но связанных с концептуальной нерешенностью этих проблем, в том числе – в нашей собственной среде, – считает Михаил Ремизов. – Их и надо решать в нашем кругу, чтобы мы на выходе могли предъявить и власти, и обществу некий пакет операциональных требований, на которые можно ответить «да» или «нет». Если же мы сделаем это, то можем в какой-то момент получить «да».

В-третьих, следует сформировать из интеллектуального класса некий протосубъект, что станет условием для создания эффективного информационного и общественно-политического лобби...

Пока, по мнению Михаила Ремизова, в интеллигенции есть только одно лобби, влияющее на власть и президента, – «либеральное» (именно в кавычках!). Лобби национального, консервативного (социал-консервативного) и патриотического в РФ пока не существует. Его кристаллизация с ориентацией на того же референта (президента) была бы крайне полезным делом. Общественно-политическая жизнь в стране стала бы двукрылой, что оправдано даже с точки зрения ее нынешних архитекторов.

– И здесь не нужно забывать о таком эффективном лоббисте, как патриарх Кирилл. Ведь он убедил (видимо, лично) президента в том, что введение преподавания основ православной культуры принесет больше пользы, чем вреда, несмотря на огромное сопротивление этому проекту. Соответственно, если в чем-то удастся убедить патриарха Кирилла, то он затем убедит в этом и всех остальных, – полушутя завершил Михаил Ремизов, вызвав заметное оживление в зале...

ВРЕМЯ ГЛОБАЛЬНОЙ «ЧЕКА»

Как всегда, с интересным и парадоксальным докладом выступил директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета, кризисолог Андрей Фурсов (в ИДК он возглавляет Центр методологии и информации).

Как считает А.Фурсов, две социальные системы (Россия и капитализм) родились вместе: в середине XVI века. И умрут они вместе, в объятиях – не позже середины XXI столетия. Есть два главных подхода к сегодняшней ситуации. Первый – кризис носит беспрецедентный, небывалый характер. Второй: да ерунда все это, были уже и кризисы, и войны, и смуты.

– Станным образом обе точки зрения верны, каждая по-своему, – говорит кризисолог. – В нынешней ситуации есть кое-что от прошлых кризисов. Но есть и нечто, что кардинально отличает нынешнюю ситуацию: сегодня мы имеем дело не со структурным, а с системным кризисом – как в русском, так и в капиталистическом случаях. Более того, мы наблюдаем «волновой резонанс», то есть совпадение и взаимное наложение кризисов двух систем.

В русской истории системные сдвиги происходят тогда, когда проедается вещественная субстанция предыдущей эпохи и дальнейшее развитие требует передела. Это следствие того факта, что русское хозяйство характеризуется довольно низким уровнем совокупного общественного (и прибавочного) продукта. Западная цивилизация создает намного более объемный общественный продукт, а с XVI века регулярно и по нарастающей добавляющей к нему – чужой, заморский прибавочный, а то и необходимый продукт (впрочем, и к своим низам западная верхушка, особенно англосаксонская, всегда относилась с крайней жестокостью).

В русской истории было два поворотных пункта, две развилки, определившие дальнейшее развитие. Это 1565 год и 1929 год – введение опричнины и отмена нэпа. Отмена нэпа мне представляется датой не менее, а быть может, и более важной, чем 1917 год. Дело в том, что с 1917 по 1929 год Россия с точки зрения ее места в мировой системе продолжала стратегию Александра II, то есть оставалась зависимым сырьевым придатком, была не антисистемой, а системой; 1929 год – момент окончательного выбора вектора развития России в первые десятилетия XX века, начало завершения социалистической революции (1917–1933 гг.) и Гражданской войны (1918–1939 гг.).

И в 1565-м, и в 1929-м главным вопросом дальнейшего развития был следующий: как перераспределить имеющуюся скудную вещественную субстанцию? В пользу олигархии или – путем непопулярных мер – в пользу основной массы населения? В русских условиях этот «материалистический» вопрос решается только «нематериалистически»-властным способом. Во времена опричнины произошло отстранение тогдашней олигархии – четырех кланов суздальских княжат. В 1929 году правящих функций лишилась «ленинская гвардия», выступавшая за «сырьевой» вариант, который обрекал Россию на зависимое положение в капсистеме, а в перспективе – на утрату суверенитета. Разумеется, вся эта борьба сопровождалась усилением «пресса» на население – иначе не бывает, а в итоге выбор оказался национально ориентированным. Оба раза Иван Грозный и Иосиф Грозный сделали выбор в пользу антиоли-

гархического пути. В первом случае он инерционно победил к середине XVII века, во втором – к концу 1930-х годов.

Сегодня Россия подошла (причем в значительно худшем состоянии, нежели при обоих Грозных) к моменту, когда вот-вот будет окончательно проедено советское наследие. Уже промотаны в основном человеческий капитал и техносфера – а значит, и «физика» и «метафизика» проедены. И году эдак в 2017-м, аккурат к столетию Октябрьской революции, встанет ленинский вопрос: «Кто кого?». Как будет решаться главный русский вопрос на сей раз?

Но абсолютных повторов в истории не бывает. И нынешняя ситуация значительно острее той, что сложилась в конце XVI – начале XVII века и в начале XX столетия. Во-первых, кризис носит глобальный характер, мы – его часть, причем не субъект, а объект. Во-вторых, Россию можно было взять голыми руками в первой половине XVII века, после петровских реформ и после Октябрьской революции. Но в Европе первой половины XVII века бушевала Тридцатилетняя война, она окончилась в 1648 году, а к тому времени Россия встала на ноги. Петр I, угробив экономику России, тоже поставил страну в опасное положение. Однако Европа оказалась занята своими войнами. А к середине XVIII века русские окрепли настолько, что смогли сломать хребет Фридриху Великому в Семилетней войне. Наконец, Сталин гениально использовал межимпериалистические противоречия, причем прежде всего не между Германией и Великобританией, а между главными (так вышло объективно) поджигателями Второй мировой – между Великобританией и Соединенными Штатами.

Повезет ли нам так же и на этот раз? Случай помогает только подготовленному.

Еще один важный вопрос: кто выступит субъектом изменений? Какие институты и организации? В России институты всегда были слабы, часто – «нарисованы на холсте». В России работает не институциональный принцип, а «чекистский». Под чекистским принципом я имею в виду не ребят в кожаных куртках на заре советской власти, а чрезвычайные комиссии вообще. Кто совершал рывок 1565 года? Чрезвычайная комиссия под названием «опричнина». Кто совершал петровский рывок? ЧК под названием «гвардия». Со сталинской эпохой тоже все понятно. Даже редакционные комиссии, подготовившие мягкие реформы 1861 года, – «чрезвычайка» в мягком варианте. Таким образом, в русской истории все субъекты возникают только в том случае, если создается Чрезвычайная комиссия – внесловная и внегрупповая. ЧК – не социальная группа в традиционном смысле слова. Это – неоорден, ударная сила, метафизическое расширение тела Вождя. (Такового сегодня нет.)

Теперь о нынешнем кризисе. В середине XIX века капиталистическая мир-система (по Валлерстайну), обретя адекватную ей базу в виде индустриальной системы производительных сил, стала просто мировой – без дефиса. И обрушилась на две оставшиеся в мире мир-системы – русскую и китайскую. Совпадение по

времени Крымской и второй Опиумной войн не случайно. Со второй половины XIX века и до сих пор развитие России так или иначе протекает в рамках мировой системы, но протекает принципиально по-разному.

Если посмотреть на последние 150–160 лет функционирования России в мировой капсистеме, то очевидны две стратегии. Первая, условно называемая «стратегией Александра II» (при нем был заложен ее фундамент), заключается в том, что Россия – часть системы, ее верхушка – часть, хотя и не очень желанная, мировой верхушки, экономика – финансово несамостоятельный сырьевой придаток. В стране – нарастающая социальная поляризация, взаимоотношения верхов и низов приобретают характер отношений если не двух рас, то двух наций. Результат: три революции в 1905–1917 годах, Гражданская война, распад. Теоретически Россия после этого вообще исчезла бы с карты мира – ее должны были поделить на части. Однако национал-большевики во главе со Сталиным нанесли поражение интернационал-коммунистам (троцкистам) и собрали страну.

Не всегда выходит так, как задумывается сильными мира сего. Россия выскочила из смертельной западни, и реализовалась вторая стратегия (с 1929 г.) – стратегия Сталина, или Красной империи: Россия не как часть мировой системы, а как Антисистема. Ее отличительные особенности: развитие ВПК и контроль центральной власти за потреблением верхов. Последнее – вообще важная вещь в русской истории. В условиях, когда совокупный общественный продукт невелик, одна из главных задач центров верха – контролировать потребление верхов, не дать им проесть страну и довести до белого каления народные массы. Контроль за потреблением вводится не из-за любви к низам, но прежде всего для сохранения служилой иерархии.

Это правило «учета и контроля» русская власть соблюдала практически всю свою историю за исключением двух случаев. Впервые она нарушила это правило в 1860-е годы, когда сама власть олигархизировалась и вместе с верхами принялась грабить страну. Результатом стали революционные события 1905 и 1917 годов: «чемодан, вокзал, Париж, Берлин, далее – везде». И второй раз – с конца 1980-х, когда власть вместе с олигархами (превратившись в макро-олигарха) начала грабить население. Исход этого «предприятия» пока неизвестен.

Таким образом, за последние полтора века Россия «прокрутила» две принципиально разные стратегии интеграции в мировую капиталистическую систему. Обе они оказались неудачными. И говорит это об одном: когда страна с низким уровнем совокупного общественного (и прибавочного) продукта втягивается в капиталистическую систему, единственный выход для ее существования – автаркия, «социализм в одной, отдельно взятой стране». Но как показал советский опыт, при демонстрационном эффекте капсистемы это весьма трудно, если не невозможно. При виде капиталистического изобилия наша элита, простите за выражение, ссучивается и с конца 1950-х годов начинает получать чувство глубокого удовлетворения, все более превращаясь в элемент капси-

стемы. Окончательным условием интеграции в капмир и получения капбочки варенья и капкорзины печенья были сдача и слом СССР частью советской же верхушки, то есть горбачевщина, от каинова пятна которой мы до конца не избавились до сих пор.

И последнее. Помните советский фильм «Служили два товарища»? Там герой, роль которого исполняет Ролан Быков, попав в окружение, говорит: «Пусть белые гады не радуются. Мы умрем сегодня, они умрут завтра!» Нам, конечно, от того не легче, но капиталистическая система уходит вместе с СССР. Есть очень четкая синхронизация между фазами развития капиталистической и системы «Россия». Гегемония Голландии в капсистеме у них – у нас расцвет Московского царства. Кончается гегемония Голландии – и уходит Московское царство. Господство Британской империи – Российская империя, эпоха Петербурга. Уходит Великобритания – уходит и самодержавие. И дальше: гегемония США – эра СССР. Ушел Советский Союз – США тоже осталось недолго, причем США как кластеру ТНК, поскольку государство США мы победили в «холодной войне» в первой половине 1970-х годов.

Другое дело, что возникнет на месте капиталистической системы? Если посмотреть работы таких авторов, как Аттали и другие, ясно, что планируется создание гораздо более жестокого, неэгалитарного и эксплуататорского мира, чем зрелый капитализм. И – минус примерно шесть миллиардов населения планеты, которые не нужны. (Это положение Андрея Ильича Фурсова подробно раскрыто в статье «Новая пересдача карт мировой истории».) Русским, в соответствии с этими планами, похоже, нет места на посткапиталистическом «празднике жизни».

Кризис России совпадает с глобальным кризисом капсистемы. И это делает нашу нынешнюю Смуту не похожей ни на что. А потому поиски рецептов спасения в нашей прошлой истории в надежде на повторы (приход мининых и пожарских, которые повесят олигархов на бушпритах их яхт) вряд ли будут успешными. Нужна новая технология власти и знания, которая обеспечит неожиданный рывок в будущее, а затем – удар-прорыв из будущего в настоящее.

Вот что интересно: Россия часто показывает миру кое-что из его будущего. Например, «чекистский принцип», который реализовал себя в России, начиная с опричнины, сейчас странным образом начинает проявляться за рубежом. Когда рушатся нации-государства и возникают корпорации-государства, в мире возникает множество «чрезвычайных комиссий». Это сами корпорации-государства по утилизации собственных стран, крупные террористические группы, это транснациональные корпорации. Ведут они себя как «чрезвычайки». Мировой кризис – это столкновение не столько государств, сколько неких новых агентов, врывающихся из будущего в виде «неочрезвычайек». Глобальный кризис больше походит на то, что Фернан Бродель писал про Средиземноморье XVI–XVII веков: «Можно ли вырваться из социального ада?» Социальный ад – борьба «чрезвычайек».

Как готовиться к этой борьбе? Здесь трудно сказать. В любом случае, нужно зорко смотреть в будущее, не питая иллюзий. По принципу «Не верь. Не бойся. Не проси». При этом – добросовестно изучать автомат Калашникова. И внимательно читать работы Максима Калашникова.

Председатель Совета безопасности клуба выпускников Военного института иностранных языков (ВИИЯ) Виталий Волчков говорил о возможных сценариях развития кризиса:

– Развивающийся кризис в течение достаточно длительного времени не был неожиданностью для экспертов – тех, кто предполагает. Но главное, он не был неожиданностью для тех, кто располагает – для дежижен-мэйкеров – мировых решающих инстанций – глобальных игроков.

Отдавая коллективными усилиями начало кризиса с 70-х годов XX века, глобальные игроки, каждый по-своему, готовились к тому, чтобы преодолеть его с наименьшими потерями и с наибольшими приобретениями. Как говорится: кому – война, а кому – мать родна.

Глобальный передел мировых богатств – вот что такое кризис для мировой финансово-промышленной олигархии в целом и ее отдельных отрядов – конкурирующих между собой «башен» мировой финансовой олигархии. Этот передел стимулируется неравномерностью развития отдельных транснациональных корпораций и банковских групп и, безусловно, не прекратится после первых открытых схваток осени 2008 – весны 2009 годов, когда стороны скорее провели пробу сил и упорядочение своих рядов (видимая часть «айсберга») – некоторые банкротства и выкуп одними сестринскими структурами других).

Если бы кризис разразился в условиях однополярного мира с исключительным доминированием США, то он, на наш взгляд, стал бы исключительно глубоким, достаточно затяжным и имел бы для экономик и суверенитета большинства стран самые тяжелые последствия. Причем национальная государственность большинства народов мира была бы разрушена, а человечество, значительная часть которого предназначена в жертву алчности, вступило бы в завершающий этап все и вся нивелирующей человеконенавистнической глобализации по принципам мирового концлагеря.

Однако, как оказалось, Промысел был в ином. В условиях нараставших финансово-экономических затруднений и известных военно-политических проблем, с которыми столкнулись США и их ближайшие союзники, в повестку дня мирового сообщества России и Китаю удалось включить требование: преодолеть однополярность международных отношений в пользу многополярного мироустройства.

В результате с началом кризиса обсуждению способов его преодоления удалось придать многосторонний, хотя пока еще и ограниченный, характер. А само международное обсуждение – фактически вывести на цивилизационный уровень, поставив, хотя и в предвари-

тельном порядке, вопрос о целесообразности введения новой, чуть ли не коллективно эмитируемой мировой валюты. Причем с более широким, чем «золотой стандарт», материальным обеспечением.

Общесовицизационный характер кризиса, таким образом, фактически раскрылся перед большинством человечества. Хотя встречи в Вашингтоне и Лондоне представителей «Большой индустриальной двадцатки» (19 стран + ЕЭС) не принесли никаких обязывающих международных решений, однако в целом они подготовили условия для активной постановки и продвижения вопросов реформирования глобальных механизмов мировой финансовой системы при наличии политической воли прежде всего у России и Китая, а также поддержки не входящих в G20 стран.

Опасаясь расширения круга участников международного обсуждения (например, на 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, открывающейся в середине сентября с.г.), и международно-правовых решений, радикально меняющих правила функционирования и контроля мировой финансовой системы, мировая финансовая олигархия вынужденно снижает разрушительный для мирового хозяйства накал финансово-экономической борьбы за передел мира, что, конечно, не устраняет его реальность.

Уже накануне встречи «двадцатки» в Лондоне и очередной встречи лидеров G20 и других приглашенных стран в Питтсбурге (США) 24-25 сентября с.г. подконтрольные мировой финансовой олигархии СМИ и заказное дрессированное так называемое экспертное сообщество заговорили о признаках ослабления кризиса и надеждах на относительно скорое улучшение глобальной финансово-экономической конъюнктуры. Чтобы лягушка не рыпалась, варить ее нужно, как говорят, усиливая жар постепенно.

Рассказы о скором преодолении кризиса ни в коем случае не должны ослаблять усилий части мирового сообщества, предуготованной к ограблению и уничтожению. Усилий по реальной оценке предпринимаемых антикризисных мер, в пользу радикальной реформы МВФ, обязывающих решений по установлению четких и жестких правил ответственной финансово-экономической политики и регулирования мировых рынков.

Отечественной финансово-экономической войной не на жизнь, а на смерть, таким образом, становится развивающийся кризис для России, входящей в состав ограбляемой и уничтожаемой части человечества. Это требует сугубо ответственной, стратегически выверенной внешней политики страны, оздоровления и консолидации ее политического ядра, самоотверженности нашего предпринимательства, в том числе и действующего в особо крупных размерах, защиты и исцеления от общечеловеческих иллюзий российского общества, сбережения народа (детей, женщин и стариков), общественно-политической активизации пенсионеров, политико-экономической мобилизации мужского населения, прежде всего – коренных народов России.

Особое место в Отечественной финансово-экономической войне не на жизнь, а на смерть приобретают требования, предъявляемые развитием обстановки к высшему эшелону российской управляющей системы, его консолидации с государствообразующим народом и российским народом, защите национальных интересов – внутри России и на международной арене.

...Основных сценариев для нашей страны на обозримую перспективу можно выделить три. Один из них, образно – «Птица-тройка, вызывающая восторженные чувства окружающих». Второй – «Затравленный волками или цивилизованными охотниками отчаянно сопротивляющийся медведь». Третий – «На куски разрубленный богатырь земли русской, вновь ставшей театром военных действий для мировых хищников». Каждый сценарий – это неразрывный внешнеполитический и внутривнутриполитический комплекс. Ответственные исторические оптимисты, верящие в Русское Чудо, рассматривают прежде всего худшие сценарии.

«Разрубленный богатырь». Это чужой сценарий для нас. Внутренние и внешние условия и силы для реализации такого сценария имеются. Действия этих сил – наступательные, наглые, оголтелые. Они скоординированы на внешнем и внутреннем уровне. Обеспечены ресурсами. Даже психологические условия подготовки расчленения России и русских (в частности, нагнетание украинско-российской враждебности и белорусско-российской напряженности), приучающие к существованию братской розни, усиливаются.

Есть и силы, которые противодействуют такой перспективе, а также условия, которые способствуют сопротивлению. Однако эти наши силы разрознены. Действия их не скоординированы. Ресурсы скудные. Поддержки на международной арене практически нет.

Даже объективно не заинтересованные в таком развитии событий страны фактически занимают выжидательную позицию. Нетрудно предсказать, что при реализации такого сценария даже они не останутся в стороне от «дележа российского наследства», включатся в борьбу за получение своих кусков. Вспомним, как в прошлом веке после Мюнхенского сговора и гитлеровского захвата Чехословакии на получение своего куска чешского пирога стала претендовать Польша, имевшая до этого с Чехословакией чуть ли не союзнические отношения.

Главные факторы реализации данного сценария – это ослабление центральной верховной власти, переход соперничества разнообразных российских элит к открытому противоборству, попытки внутривнутриполитических «башен» заручиться зарубежной поддержкой в конкурентной борьбе, торжество партии измены.

Точка невозврата в рамках этого сценария, похоже, еще не наступила, но признаки того, что она близка, отмечают уже многими аналитиками. Понятно, что на этот сценарий в плане деморализации народа и дестабилизации общей обстановки работают и ухудшение экономического положения населения, и техногенные катастрофы, и террористические акты в регионах, и усиление борьбы местных кланов на региональном уровне.

Блокировать сценарий развала России может социально-политическая активность государствообразующего и других коренных народов страны. Они более всего заинтересованы в сохранении национального единства. Однако «антираспадные действия» упорно блокируются различными эшелонами власти при сохраняющемся отказе правящей верхушки не только от прямого взаимодействия с народом, но даже от существенного диалога с его наиболее активными, неформальными представителями. Дело осложняется тем, что работающая на развал страны медиа-информационная и экспертная-властвующая тусовка делает все, чтобы подменить подлинное представительство народа псевдолидерами и разрушительной оппозицией.

«Затравленный медведь». Это тоже не наш сценарий. Он может быть проходным к самому худшему развитию событий, но также имеет шанс стать самостоятельным вариантом. Травля медведя – процесс опасный. Пойманный в капкан медведь еще силен и может нанести смертельные удары. Найдя его в таком положении, волки изматывают медведя травлей (попытками напасть одновременно с разных сторон) и разрывают на части, только когда он значительно ослаб. Оставленный в покое медведь, который попал в капкан, отгрызает пойманную лапу, освобождая себя от ловушки.

Травля России, ее верховной власти и русского народа в последнее время стала основной темой не только мировых СМИ и политологических центров, но и дипломатических кругов, а также многих государственных чиновников зарубежных стран. Как показала информационная атака на нашу страну, связанная с прошлогодней агрессией Саакашвили против Южной Осетии, ни мировые СМИ, ни западные политологи, государственные и международные чиновники, ни вторящие им российские политологи и СМИ продажной ориентации не останавливаются перед антироссийским и антирусским использованием откровенной лжи, фальсификаций и дезинформации.

Вместе с тем роль внутри российских участников этого хора следует оценивать как самую опасную, дезориентирующую и деморализующую многих. Наибольший вред – в том, что население уводит в сторону от осмысления и решения насущных внутривнутриполитических задач.

В обстановке многостороннего нападения важно не метаться между разными укусами, не терять самообладание, не упускать главного. Это требует повышения целеустремленности и координации действий национального и патриотического информационно-экспертного сообщества. Можно даже констатировать тенденцию к взаимодействию национально-патриотически настроенных политологов и публицистов разной социально-политической ориентации, что, однако, весьма далеко от необходимой в таких условиях консолидации.

Отсутствие общего информационного поля ослабляет и практическое взаимодействие разнородных национальных и патриотических сил в борьбе за светлое будущее России. Прежде всего, не позволяет

всем, кто в этом нуждается, обрести согласованный по срокам, рубежам и задачам замысел противодействия, защиты национальных интересов и, главное, порядок и содержание созидательных действий в собственных и общенациональных интересах.

«Завораживающая птица-тройка» – единственный обещающий нам будущее выбор. Это единственный НАШ сценарий. Правда, это сценарий добровольного смирения личных и групповых амбиций разнородных национальных и патриотических сил ради подконтрольного им будущего России. Сценарий объединения их творческих усилий в информационной, аналитической и концептуальной областях. Сценарий вызревания общенародного замысла на большое общенациональное дело. Сценарий принуждения и приведения к Правде и Справедливости тех, кто не живет такими понятиями, к воплощению в жизнь добросовестного социального государства и внутри страны, и на международной арене. Сценарий налаживания устойчивого от происков узурпаторов, ответственного общественного диалога народа и власти, мудрого размежевания общества и государства. Сценарий мобилизации национальных и социальных творческих сил на новое Русское Чудо, защищенное от посягательств врагов явных и тайных.

Возможность развития такого сценария, по нашим оценкам, еще не упущена. Оно может быть взрывоподобным, как цепная реакция, при условии одновременной финансовой и организационной мобилизации на это народного потенциала.

В его рамках Россия не должна, как Америка по Бжезинскому, становиться элитой мира, захватывать и удерживать лидерство. Перед ней стоит задача просто мчаться по собственной траектории, став, возможно, примером для духовно задавленных, деморализованных и зомбированных соседей-западноевропейцев. Это сценарий организационно-финансового взаимодействия всех сословий, всех народов, общественных отрядов всех уровней на патриотической, национальной, профессиональной основах.

Сначала должен быть наведен порядок в общении. Надо наладить информационно-интеллектуальное взаимодействие думающего ядра. Создать «информационное поле». Сделать так, чтобы замысел созрел объемно и распределенно. Каждый может по-разному участвовать в общем замысле, хорошо осознавая свой маневр. Это – замысел разнородных сил, способных находить компромиссы ради спасения самого главного для всех – российской идентичности и цивилизации.

Вопросы организационной сборки проработаны в документах Военно-Державного Союза по формированию Народного Ополчения и общенародного проекта «Народный собор» – русского варианта того, что в наши дни проводится, например, в Ингушетии как съезд ингушского народа.

Нельзя, только чтобы реальное представительство на таком Соборе было подменено набором карманных общественных организаций номенклатурного выбора. На нем должно быть обеспечено открытое участие всех

реально действующих общественных организаций. Не некоммерческих, а именно общественных, а их не так уж и много.

Вопросы финансовой организации, давно проработанные традицией русского народа, к сожалению, остаются неосвоенными в нынешнем общественном сознании и в актуальной общественной практике.

Фактически перед всеми национальными и патриотическими силами стоит вопрос: где взять ресурсы для работы? Большинство движений, партий, групп делали ставку на то, что их профинансируют какие-то предприниматели, олигархи, богатые добрые люди. Это возможный вариант, но он не является фактором непреодолимой для наших противников силы. Непреодолимой силой могут стать ресурсы, собранные миллионами людей.

Простой пример приводит Валерий Задерей, главный редактор газеты «Знание – власть». Он работает с ветеранами Вооруженных сил, которых, по некоторым данным, более 8 млн. Если каждый сдаст по 100 рублей, то уже получится 800 млн. Сдаст не для того, чтобы кто-то обогатился или их «распилил», а для того, чтобы поддержать любые близкие себе общественные структуры. Собранных в складчину средств может быть достаточно для решения задач не только местного, но и более высокого уровня.

Известная по всему миру организация Ротари собирает членские взносы по 100 долларов в квартал. А имеет годовой бюджет на социальные проекты в 193 млн долларов, по данным 2002 года.

Складчина, как и солидарная ответственность, – русская традиция. Она должна быть реабилитирована в общественном сознании и в национально-патриотической практике. Бросим клич: жертвовать на общественные нужды по 50–100 рублей в течение полугода, вывесим всю бухгалтерию в Интернете, откупимся налогами от любых возможных придинок и создадим местные организации с крепкой финансовой основой. Пусть каждый профинансирует тех, кто ему ближе, поддержит то дело, в которое верит. Кто-то – природоохранную общественную организацию, кто-то – национально-культурную, кто-то спортивную или образовательную, кто-то – общество защиты животных.

Так или иначе, но складчина в следующем шаге может быть структурирована. На общий сбор, например, каждый уже сможет приехать за свой счет и профинансирует работу общих соборных органов. Получится кумулятивный эффект: подлинным творчеством масс будет создано сильное, самодостаточное и хорошо структурированное общество, способное поставить заслон любым негативным сценариям.

Кстати, такой общественный потенциал и на международной арене союзников из числа концептуально контуженых иностранцев найдет быстрее, чем чиновники МИДа или бюрократы из парадных обществ дружбы.

В отчаянном положении голову не теряют, а берутся за неподъемные задачи и добиваются невероятного – Победы...

ПУТИНЦЫ – АРТЕЛЬ КРЕПКАЯ

Профессор МГТУ имени Баумана, бывший заместитель министра образования РФ и депутат Государственной Думы 4-го созыва Борис Виноградов выступил с особым мнением:

– Я эту власть знаю достаточно давно, потому что они все из Питера. Власть – артельная.

Что такое русская артель? Я у известного оппозиционера Каспарова выступал (они там еще похлеще, они ждут, пока в стране все медным тазом накроется). Я им сказал: ребята, все будет так – 2030 год, выборы президента РФ. Баллотируются Собчак и Турчак, а руководит процессом В.В. Путин. Я им сказал: вы говорите о кланах, о бессилии власти, а я хочу сказать, что такое русская артель.

Первый принцип русской артели какой? Круговая порука. Второй принцип русской артели – субсидиарная ответственность. Третий принцип русской артели – залог.

Они в залог сдали души. Питерская артель небольшая, все остальное – номенклатура нанимаемая, и когда надо – убираемая. Артель маленькая, хорошая, сильная. В.В. Путин, между прочим, вырос на Лиговке. Хочу вам сказать, что Лиговка в Ленинграде – серьезный район. Путин прошел школу нормальной мужской драки, борьбы. А значит, он серьезный человек. И прошел социализацию.

Так вот, я думаю, что они все прочитали Ильфа и Петрова. И понимают, что если они, как Остап Ибрагимович, наденут все на себя, что они взяли, и перейдут румынскую границу, то там их разденут. И отправят назад – управдомами. Поэтому они никуда не уедут, не надо вообще давать таких прогнозов, как Михаил Делягин. Никуда они не побегут. Это вообще какие-то наивные иллюзии, на мой взгляд.

Я с Владимиром Владимировичем в 1999 году, когда он только стал премьером, дважды бывал на объектах. Мы с ним общались на «Ангстреме» в Зеленограде. Шел очень интересный разговор, и он очень интересные вопросы ставил. Путин спрашивал: вот Зеленоград идет по микросхемам 0,38, а мир переходит на 0,09 мм. Уже, считайте, перешел этот рубеж. Путин и говорит генеральному директору: а как нам догнать и перегнать? Неглупый человек, хоть и юрист.

Беда нашей страны в том, что у нас слишком много экономистов и юристов. Мой коллега говорил о России, похожей на попавшего в капкан медведя. Но я бы сказал, что главное для медведя по весне, когда он поднялся из спячки, – «выстрелить пробку». Если не выстрелит, то подохнет. Вот и у нашей страны есть своя «медвежья пробка»: либералы и либерализм. Если власть ее «выстрелит» – спасется страна. Нам же нужно работать на то, чтобы во власти зарождались центры кристаллизации здоровых сил, которые будут стараться эту «пробку выстрелить». Вот – главная задача. Потому что все, что произойдет в России, произойдет только во власти, в элите!

Так вот, о моих впечатлениях о Путине. Итак, в 1999-м

он спросил: как догнать и перегнать электронную промышленность зарубежных стран? Ему генеральный директор говорит: мол, надо пройти два этапа. Сначала с 0,38 перейти на 0,13, на что нужно 8 млрд долларов. А потом – с 0,13 на 0,09. Ну, а там еще большие затраты. А вы помните бюджет России на 1999 год – каких-то 20 с гаком миллиардов.

Дальше – вторая встреча. Ну, мы (Владимир Евгеньевич Фортов от РАН, я от Минобразования, еще руководители из Миннауки и РФФИ, т.е. группа лиц) решили ускорить создание отечественного суперкомпьютера, поддержав проект общими средствами ведомств. 1999 год, Академия наук поддержала, мы скинулись деньгами – и специалисты сделали. Приезжает Владимир Владимирович на пуск машины. Из Питера по Интернету Жорес Иванович Алферов, рассказывает ему, как это будет все хорошо. На нашем суперкомпьютере моделируется удар кумулятивной гранаты из РПГ в броню. Путин смотрит (вообще, он такой быстро реагирующий человек) и спрашивает, во сколько флопов быстродействие нашей ЭВМ, насколько она слабее американских. Когда услышал – вздрогнул, и мы пошли дальше.

То есть он принимал страну. Если вы помните, то Путин, когда пришел, сказал: надо провести инвентаризацию. И видимо, он ужаснулся ее итогам. А поскольку научным руководителем его диссертации был Владимир Стефанович Литвиненко, ректор горного института, то он решил работать по газу. Решил высокопрофессионально заняться этим делом, которое будет давать стране доход...

Нынешняя артель власти – далеко не глупая, далеко не трусливая, а в лице ее лидера – и достаточно серьезная. Я думаю, что они не хуже нас знают о ситуации в стране. Когда надо, они станут канализировать недовольство населения как угодно – для того, чтобы сохраниться. Самая главная задача власти – самосохранение. Они будут сохраняться до безобразия.

Это нормально, это правильно. Знаете, вчера мне пришлось прочитать автореферат к кандидатской диссертации по Ришелье, издания 1950 года, Харьковский университет. Политика, философия Ришелье. И анализируются его две ключевые работы, и ссылка есть, естественно, на вождя Иосифа Виссарионовича Сталина. А Иосиф Виссарионович сказал очень важную вещь: об исключительно важной роли надстройки. Сталин сказал, материалист!

Думаю, что эти товарищи тоже читают такие книги.

Ну а физический износ основных фондов, о котором здесь столько говорилось, пошел еще в СССР. Уже в нем не выдерживались нормы амортизации. Вспомните аварию на подстанции Чагино в мае 2005 года в столице. Вылетел масляный выключатель серии ВМГ производства 1963 года. По всем нормам амортизации его должны были заменить в начале 70-х годов. А он работал до 2005-го.

Так что не нужно все на нынешнюю власть валить.